

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА, «НЕОКЛАССИКА» и ИННОВАЦИИ:

Й. ШУМПЕТЕР, Я. КОРНАИ и «ЭФФЕКТ МОДЫ» В НАУКЕ

Инновации являются той областью человеческой деятельности, которая, несмотря на накопленный довольно большой объем наблюдений, научных обобщений, вместе с тем, остается слабо исследованной. Причин тому много, однако основная сводится к тому, что эта деятельность обладает высокой степенью неопределенности, причем сама неопределенность является функцией времени, изменяющимся параметром, в сильной степени воздействующим на результативность инновационной деятельности. Любая деятельность в хозяйственной системе подчинена некоторому набору правил, которые также изменяются с течением времени, что является отражением системных изменений и также трудно поддается прогнозу. Именно институты создают определенный уровень неопределенности в системе. Задачей эффективного управления является как раз возможность снять или снизить имеющуюся высокую неопределенность, обеспечив достижение планируемых результатов. Особым объектом инноваций выступают объекты интеллектуальной собственности — патенты, результаты диссертаций, НИОКР, проводимых в лабораториях научных и промышленных организаций, авторские свидетельства, полезные модели и промышленные образцы. Эта область всецело регулируется законодательством, то есть формальными институтами, от состояния которых зависит эффективность внедрения тех или иных новых комбинаций в экономике.

Применительно к развитию техники и технологий имеют значение следующие группы правил.

1. Правила проектирования изделий и оформления конструкторской документации, инженерного сопровождения изделий в цехах, информационного обеспечения данной работы, методов проектирования, предполагающих использование программного обеспечения, численных расчетов и компьютеров.

2. Правила взаимодействия различных цехов, служб предприятия, контрактации с заказчиком и с контрагентами, расчета и управления затратами, сбыта продукции и освоения рынка, адсорбции новых знаний внутри фирмы, а также из системы образования.

3. Правила эксплуатации, обслуживания техники, безопасного режима работы, ремонта и утилизации, испытаний и организации опытного производства.

4. Правила патентования технических идей, изобретений, получения патентов и их защиты (судебные возможности), оформления и проведения НИОКР.

5. Правила денежного обеспечения новой идеи, финансовые институты.

Фактически эти правила «руководят» появлением инноваций и в значительной степени ответственны за их тиражирование. Особо важно, они часто воспроизводят абсолютно «неприбыльную» логику функционирования «новатора», когда новые решения и комбинации возникают исходя из устремленности в решении каких-то технических задач, иногда параллельно с поиском иных решений.

Интерпретируя так называемую «теорию экономического развития» Й. Шумпетера дается весьма некорректная абсолютизация позиций самого Й. Шумпетера, который может быть, если бы видел современную экономику, их пересмотрел. Такая «гибкость» была свойственна многим экономистам его времени. Они понимали относительность выявленных закономерностей, которые справедливы на отдельных отрезках времени, а затем утрачивают свое значение, либо содержание объяснений нужно пересматривать или хотя бы корректировать.

На Западе возникло шумпетерианское экономическое сообщество, ассоциация эволюционной экономики, которая все исследования привязывает к тем принципам, что ввел Шумпетер. Но тем самым происходит и институционализация, фиксация этих идей, они с трудом корректируются, не говоря уже об их существенном пересмотре. Многие из ярких представителей этой ассоциации посещали Институт экономики РАН и проводимые им симпозиумы по эволюционной экономике, но не привели убедительных доводов и доказательств того, что многие идеи и позиции, ими отстаиваемые, верны. Часть из них имеет лишь классификационное и модельное воплощение при допущениях, которые требуют отдельных пояснений и исследования их адекватности. Скорее верна общая постановка данных идей и моделей о том, что для изучения экономического развития важно как возникновение новых комбинаций, так и их тиражирование. Но природа их происхождения, появления и тиражирования не раскрыта до сих пор. Более того,

эти процессы настолько стохастичны, определяются экономическими, институциональными структурами, включая пять групп правил (приведенных выше), отвечающих за изменения в технике и технологиях, что получить общую и правдоподобную модель, без учета изменения весов факторов-параметров, ее образующих, не представляется посильной задачей. Хотя современная математика, опираясь на вычислительные возможности, обретает способности решать почти любые задачи.

В ряде своих работ («Институциональная теория и экономическая политика» [3], «Структурные проблемы экономики России: теоретическое обоснование и практические решения» [5] и «Экономическая политика и развитие промышленности» [7]) автор показал, что на микроэкономическом уровне идея «созидательного разрушения» не выполняется, не подтверждается по спектру технических и технологических решений. Кроме того, на моделях в 2003—2006 гг. и в недавно вышедшей книге «Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста» [6] обосновано демонстрируется, что новая комбинация не заимствует целиком ресурс, разрушая «старые комбинации», она должна создавать себе ресурс — в этом состоит смысл «эволюционного» расширения. Многие работы в рамках шumpетерианского общества «льют воду» на «принцип Й. Шumpетера», который по существу является перенесением законов диалектики Ф. Гегеля (закон перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания и единства и борьбы противоположностей — противоречие между формой и содержанием) в экономическую плоскость, а, например, К. Перес в своей книге открыто утверждает, что сторонником идеи «созидательного разрушения» был еще Ф. Ницше, а В. Зомбарт первым использовал термин «созидательное разрушение» [2].

Как известно, Й. Шumpeter понимал под «новой комбинацией» пять следующих случаев:

- 1) изготовление нового, неизвестного для потребителей блага, либо создание нового качества;
- 2) внедрение нового, неизвестного до этого, способа производства, в основе которого лежит не обязательно новое научное открытие, а также новый способ коммерческого использования товара;
- 3) освоение нового рынка сбыта, на котором данная отрасль промышленности страны не была представлена, независимо существовал этот рынок до сих пор или нет;
- 4) получение нового источника сырья или полуфабрикатов, независимо от того, существовал этот источник прежде, или просто не принимался во внимание, либо считался недоступным, либо его предстояло создать;
- 5) реорганизация — создание монопольного положения или ликвидация такового.

Целесообразность подачи и изложения материала вынуждает нас иметь в виду именно данный случай, когда речь заходит о новой комбинации средств производства [8, С. 133]. Новые комбинации вначале не вытесняют, а сосуществуют наряду со старыми. Для осуществления новых комбинаций необходимо располагать средствами производства [8, С. 135].

«Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия. Открытие новых рынков, внутренних и внешних, и развитие экономической организации... иллюстрирует все тот же процесс экономической мутации, ... который непрерывно революционизирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую. Это процесс «созидательного разрушения», является самой сущностью капитализма, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну» [8, С. 459—462]. Далее уточняется, что революции происходят дискретно, разделены фазами спокойствия. Обе эти фазы и образуют экономический цикл.

Таким образом, Й. Шumpeter делает акцент на том, что агенты, которые осуществляют новые комбинации, ведут деятельность в рамках старых комбинаций, а сами новые комбинации вначале не вытесняют, а сосуществуют наряду со старыми комбинациями. Новые комбинации возникают дискретно, но тогда имеется ли некая закономерность в возникновении и главное — взаимодействии новых комбинаций, сколько бы их типов не было выделено классификационной процедурой. Позже новые комбинации вытесняют все-таки комбинации старые, заимствуя ресурсы у старых комбинаций. Такую логику активно отстаивали и последователи — эпигоны или апологеты Й. Шumpетера. Проблема в том и состоит, что конкурируют и старые комбинации со старыми, и новые со старыми и новые с новыми. Ресурс динамичен, так же как и экономическая система и появляющиеся в ней комбинации. Однако переносить логику макроэкономического характера, которая применялась к оценке капитализма как системы текстово-логическим методом изложения, без каких-то важных доказательств и демонстраций, нельзя на взаимодействие групп агентов, таких как «новаторы» и «консерваторы», либо взаимодействие новых и старых комбинаций.

Развитие информационных технологий, которые не требуют сейчас дополнительных ресурсов, осуществляется на основе комбинаторного принципа. Многие технические импульсы так же возникают и подчиняются на основе «комбинаторного принципа». Примером является развитие лазерной диффузии на кремниевых пластинах (планарная технология). Эта технология известна еще с середины 1980-х годов, но до 2009 г. не применялась, поскольку высокая толщина пленок делала лазерный способ низкоэффективным. Посредством объединения данных технологий был получен качественно новый результат. Таким образом, недостаток технического уровня в прошлом, стал достоинством спустя значительное время. Возникла новая комбинация, однако никто ничего не вкладывал и не отвлекал никакого ресурса на ее получение.

Недостатки эволюционного подхода, которые якобы развивают идею Й. Шumpетера можно свести к следующим позициям.

Во-первых, применение дихотомии «новатор — консерватор» несмотря на полезность, все-таки примитивно отражает эволюцию как в технологическом, так и общеэкономическом смысле. Один и тот же агент в зависимости от условий, определяющих переключатель его стратегии поведения, может в одно время быть консерватором, в другое, причем уже на следующем отрезке времени, — стать «новатором». Первоначальная структура имеет важное значение, как и возможность осуществлять переключение стратегий, что приводит к изменению числа новаторов, которых безболезненно может выдержать экономическая система. Сводить «консерваторов» только к «просто хозяевам», защищающим старые рынки, продукты и *status quo*, представляется весьма упрощенным способом выделения агентов. Дело в том, что консерваторы также занимаются производством, создают продукты, улучшают их. Важно лишь, что считается новацией, что экономисты называют новацией, что регистрируется как новация, новая комбинация. Консерваторы могут не создавать новые комбинации согласно этому определению. Но извлекать прибыль, стремиться максимизировать ее, либо получить наиболее приемлемое удовлетворение согласно гипотезе о сатисфакции Грегори Саймона, они могут. Так и ведут себя. Утверждать, что консерватор не стремится к максимальной прибыли, значит отказаться от маркетинговой доктрины, вытекающей из матрицы бостонской консультативной группы о том, что из старого рынка фирмы выжимают прибыли, то есть вполне получают наибольшую из возможных прибылей.

Сводить консерваторов «просто к хозяевам» также некорректно, поскольку ими могут быть те предприниматели, которые ведут обычную деятельность на известных рынках. Отсутствие в неоклассических моделях подобной дихотомии совершенно не означает отсутствия иной дихотомии, например спроса и предложения. Эта дихотомия не менее сильна или слаба, чем дихотомия «новатор-консерватор», но она избегает нестрогости выделения групп агентов, пренебрежения иными группами, например имитаторами, не зависима от самого определения новой комбинации, что ею называть, а что нет.

Подобные определения сильно влияют на общий результат анализа, его выводы. Спрос и предложения представимы кривыми спроса и предложения, функциями спроса и предложения и факторами, которые действуют на эти два параметра. Более того, при нарушении принципа независимости потребителя, а именно такой разворот событий экономисты наблюдают в современной экономической системе, функция спроса зависима от функции предложения, что должно сказываться на интерпретации равновесной схемы анализа и на оценках смещения кривых спроса и предложения — их нельзя в таком случае рассматривать раздельно. Кроме того, существует же спрос на новые комбинации и их предложение в экономике и ее секторах. Если система учета отображает динамику изменения этих параметров, то модели, построенные с использованием аппарата спроса и предложения, будут вполне представительны. Важно

лишь верно установить факторы изменения. Такая же проблема существует и для дихотомии «новатор — консерватор» и сводится к моменту переключения с одной модели на другую, когда один и тот же агент может быть сначала консерватором потом новатором, а потом наоборот, — либо стать опять консерватором, либо превратиться в «нового» новатора. Причем в сильной степени это детерминировано денежной функцией или монетарным диапазоном.

Во-вторых, неоклассика оперирует с разными моделями рынков, причем рынок новаций представляет как монополистический. Конкурируют технологии, продукты, а также те агенты, которые их создают, конкурируют виды деятельности. Если один продукт замещает другой, создавая новые функции, свойства, конечно, тот старый будет замещен. Но если появляется новая комбинация, которая создает параллельные возможности, напрямую не угрожая старым возможностям, то эти старые возможности будут присутствовать и никакого разрушения их происходить не будет. Они могут быть интериоризованы в ткань новых возможностей или функций, либо новые функции возникнут на базе старых. В этом случае также не произойдет никакого разрушения, а будет наблюдаться замещение или наращение функционального потенциала за счет совершенства и усложнения основных функций. Так происходит совершенствование техники, многих ее видов.

Неоклассики вполне видят подобные явления, представляя их в виде сдвигов кривой спроса и предложения за счет появления новых технологических возможностей и факторов. Такой макроэкономический подход вполне имеет право на существование и не противоречит модельному представлению экономической эволюции, поскольку эволюция спроса и предложения — это эволюция производства (технологий и техники, технического прогресса) и потребностей, потребительских предпочтений, включая и потребности в средствах производства, которые в максимальной степени задаются существующей техникой и старыми комбинациями. Более того, Шумпетер говорил, что подлинные новации касаются средств производства и их замены. И на базе имеющихся средств производства возникают новые комбинации, но им, для того, чтобы обеспечить новые продукты понадобятся новые средства производства, ибо на старых средствах производства невозможно осуществлять инновации. Современная Россия, где износ средств производства очень высокий, демонстрирует наглядно, что экономическая эволюция «запирается» изношенными средствами производства, которым не могут соответствовать и высококвалифицированные кадры. Негодным фондам не могут отвечать великолепные кадры. Если это так, то возникает вопрос о том, как такое возможно, каковы причины и факторы подобного несоответствия и перекоса?

В-третьих, идея о новых комбинациях сильна тем, что действительно новая комбинация создает спрос, повышательную динамику цен, смещает общий совокупный спрос вправо вверх, увеличивая продукт, кривую предложения вправо вниз, создавая в перспективе эффекты экономии, масштаба, по-

вышения производительности. Но это происходит с течением ощутимых интервалов времени. Инновации существуют различных типов и видов — от эпохальных, меняющих кардинально состав и возможности производительных сил и средств производства, до улучшающих, которые действительно перманентно происходят в ходе производственного процесса и создания благ. Но как они связаны — Шумпетер не дает ответа. Более того, выделяя пять типов новых комбинаций, он нигде не говорит какой тип может преобладать или два-три типа, каковы пропорции между ними, то есть соотношение различных типов новых комбинаций, от чего это зависит и как влияет на развитие. Без ответа на этот вопрос, рассуждать об эволюции можно долго, но бессмысленно. Структуру комбинаций определит изначальная институциональная структура, склонность экономики осуществлять те или иные инновации и структура экономической и технологической, сложившаяся на текущий момент. Эти пять типов могут сопровождать друг друга, а могут и замещать и при некоторых условиях, возможно, мешать друг другу. Поэтому «разрушение», если уж и применять этот термин, будет происходить при конкуренции разных типов новаторов — они не однородны, и подсистемы экономики не однородны в общей экономической структуре — и они порождают разного числа и качества новые комбинации, которые будут соревноваться друг с другом за ресурс, например, финансовый, да и другие ресурсы.

При создании ресурса под себя, новых средств производства данная комбинация наиболее успешно будет развиваться, либо может пользоваться наращенным ресурсом, либо воспользоваться плодами экономического роста предыдущего этапа. В таком случае, разрушение уже не будет «созидательным»? Иными словами, альтернативные издержки никто не отменял. Шумпетер явно не учитывает этот фактор и не принимает во внимание наличие концепции альтернативных издержек, решений, комбинаций. Линейное представление идеи «созидательного разрушения» представляется контрпродуктивным по совокупности указанных причин. Эта идея, использованная в констатационном ключе на макроуровне, не описывает современный микроэкономический уровень, закономерности появления новых технических решений, технологий. Можно сказать, что только часть явлений не описывается этой идеей, но если доля этих явлений, например, увеличивается в современной экономической системе?

В-четвертых, причина, которая тормозит развитие эволюционной теории, состоит не в прямолинейном толковании Шумпетера, а в некорректном его толковании, «стабилизации» Шумпетера, неумении адекватно развить идейный задел и не согласиться с тем, что уже устарело по причине возникновения новой реальности. Кроме того, исследование экономики на длительном интервале и особенно техники и технологий является непростым делом с точки зрения точных обобщений или закономерностей. Стохастические факторы очень сильны и как необратимость изменений является атрибутом эволюции, так и непредсказуемость является свойством

эволюции, какую бы рационализацию решений и выбора не предлагала экономическая наука, видимо, она не является достаточной. Проблема в том, что в условиях быстрых институциональных изменений не действует правило оптимальности по Парето и другие критерии эффективности. Более того, не это правило детерминирует поведение агентов. Эволюционная экономика прекрасно оперирует примерами, когда «неэффективный агент» выигрывает конкурентную борьбу. Банкротом может стать эффективный игрок. Никакой закономерности здесь нет. Более того, не обязательно банкротом становится консерватор, в разряд безработных, приняв поражение, попадают и «новаторы». Хотя институционально экономическую систему (конкуренцию) можно организовать так, что эффекты банкротства будут в высшей степени сглажены.

В экономике действуют разные по возрасту агенты, причем как новаторы, так и консерваторы. Однако различен и возраст основного капитала, но закрепить основной капитал различного возраста за какой-то группой агентов весьма проблематично. И «консерватор», и «новатор» могут обладать как старым, так и молодым — новым основным капиталом. Линейное представление о том, что новаторы владеют исключительно молодым капиталом, а консерваторы исключительно старым, весьма некорректно. Консерваторы и новаторы обновляют капитал, причем один и тот же агент может продемонстрировать либо модель консерватора, либо новатора в зависимости от условий и от состояния капитала. Часто новая технология возникает на старых фондах, либо посредством объединения старых технологий (комбинаторное наращение). Линейное вытеснение старого новым не является атрибутом подлинного эволюционного процесса. Реальность много сложнее. Значение с точки зрения перспектив эволюции имеет качественное состояние капитала, возможность его использования и структура, не только возрастная. Причина технологической гонки состоит не в разнице капитала по возрасту (трудно отвлечься от взаимосвязанности разных видов капитала), а в цели опережающего приобретения преимуществ в военно-технической области.

В-пятых, концепция «созидательного разрушения» требует уточнения, поскольку с ее помощью затруднительно объяснить новые экономические явления, порожденные современной динамикой глобализирующегося капитализма, когда спад деловой активности может сопровождаться усиливающимся экономическим доминированием конкретной страны и внедрением передовых технологий и разработок в серийное производство при сокращении занятых в высокотехнологичных отраслях. Такое возможно, только если в связке «новатор-консерватор» «новатор» перестает быть зависимым от ресурсной базы «консерватора» и, в частности, может использовать политические решения и подменяющий их глобальный финансовый рынок для скоростного наполнения своего монетарного диапазона и реализации поставленных целей. Анализ эволюционистов лишен структурного содержания. «Новаторы» потенциально

могут появиться в экономическом пространстве из трех групп: безработных, консерваторов и «старых» новаторов, причем особенно второй и третий варианты наиболее вероятны.

На наш взгляд, не стоит гипнотически фиксировать, «гипсовать» неоклассику и преувеличивать возможности или объяснительную силу шумпетерианских взглядов и схем. Взаимное дополнение их возникает автоматически и длится на протяжении многих лет. Другое дело, насколько достоверно объясняются эффекты социально-экономической эволюции, и особенно технологических изменений.

На основе проводимых нами исследований при соответствующей модельной интерпретации системы «новатор — консерватор — безработный» (макрэкономическая модель*) получены два важных вывода.

1. Стимулирующая экономическая политика должна быть направлена не только на создание условий для новаций и «новаторов», но и на укрепление (поощрение), либо закрепление консервативной модели поведения, так как ее разрушение способно резко увеличить безработицу с соответствующими отрицательными последствиями для будущих инвестиций и развития.

2. Число новаторов может расти при замедлении темпа роста ВВП, либо снижении ВВП, безработица при этом может не изменяться, либо несколько возрасти при росте ВВП (классическое представление: при росте ВВП всегда растет занятость). Эта модель объясняет также, почему возможен и спад с ростом безработицы при росте цен, а также спад с ростом безработицы без ощутимого роста цен.

Итог таков, «новаторы» могут породить кризис, причем в нижней точке цикла отнюдь не лучшие условия для появления новаций. Здесь ситуация равновесна, с одной стороны, могут сложиться условия, когда именно сочетание риска, доходности и процента приводит агентов к созданию новых комбинаций, что и обеспечивает выход из кризиса. С другой стороны, в конкретной экономике могут существовать условия, когда только за счет консерваторов возможно преодоление кризиса и обеспечение первичного посткризисного экономического роста. При этом глубина самого кризиса и факторы, его вызвавшие, сильно повлияют на вероятность возникновения первого, либо второго сценария для нижней точки циклической динамики. Важно отметить, экономический рост в целом может поддерживаться исключительно усилиями консерваторов. Более того, нельзя утверждать, что консерватор не стремится к прибыли, а ее пытается достичь только новатор.

Сейчас появляются статьи о том, что мейнстрим не может включить идеи Шумпетера в свой анализ с намеком на то, что следовало бы это сделать? А зачем? Если эти идеи требуют как минимум коррекции, как максимум пересмотра и нешумпетерианская трактовка эволюции, абсолютизирующая «технологический детерминизм» и не совсем корректно подающая суть технологических изменений экономической системы, вряд ли может быть признана адекватной.

Зачем включать или объединять с чем-то то, что само требует изменения по причине не полной адекватности. Какие задачи это решит и решит ли вообще в принципе? Ради чего приводятся и публикуются такие призывы, обращенные в никуда, и не решающие стоящих проблем объяснения, описания, прогноза эволюции и принятия решений, что также является неотъемлемым элементом социально-экономической эволюции и ее компонента — технологической эволюции?

Я. Корнаи в своей статье «Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса» [1] пишет, что большинство граждан бывших постсоциалистических стран не понимают причинной связи между капитализмом и техническим прогрессом. Как будто ее понимает Я. Корнаи, не создавший ни одного технического изделия, не стоявший за кульманом экономист, опираясь на теории экономистов, ничего не понимающих в том как создается техника (средства производства), в закономерностях этого процесса? Им делается априорный, не доказанный вывод, не базирующийся и не проявляющий его собственное понимание той взаимосвязи, о которой он пытается писать, будто при социализме условия технического прогресса или развития хуже. Мобилизационная стратегия, примененная в СССР для опережающего технологического развития, не имела ничего общего ни с капитализмом, ни с социализмом той эпохи в тех институтах, в которых тот тогда существовал. Вместе с тем, отрицать успехи технического развития страны означает не учитывать эмпирических данных, как и не наблюдать научно-технологической деградации и потери достижений тех лет, которые получены при мобилизационной стратегии планового развития, в период капиталистической трансформации СССР в 1991—2000 гг. Я. Корнаи явно политически ангажирован и занимается расфасовкой фактов, не доказывая ни одного положения и при этом неправомерно противопоставляя мейнстрим и подход Й. Шумпетера, явно абсолютизируя последний, не видя тех огрехов в описании эволюции, в том числе и технологической, которые здесь нами уже отмечены.

Конкуренция, институты тормозят технический прогресс при капитализме, да и капитализм имеет различные формы. Существует отсталый капитализм, периферийный капитализм, где совершенно не наблюдается никакого научно-технического прогресса. Я. Корнаи надо внимательнее читать Шумпетера, который отводил роль условиям возникновения инноваций и их тиражирования. А принцип Р. Вернона утверждает, что технический прогресс ощутим там, где высокая величина дохода на душу населения, дорогая рабочая сила и высока широта охвата рынка, то есть имеются продуктовые серии, в которых реализуются технические достижения. Инновации не могут существовать сами для себя. Их назначение — это совершенствовать продукты широкого потребления и средства их производства, увеличивать производительность труда, высвобождать время агентов, то есть увеличивать производительность жизни, снижать

* Подробное изложение модели см.: О. С. Сухарев «Институциональная теория и экономическая политика» [1, Т. 2, С. 279—295].

бремя социального бытия. Если на этапе жизни поколения этого не наблюдается и агенты не получают ощутимых выгод, то такие инновации бесполезны и анализировать успешность капитализма, когда плоды длительного периода распределяются на будущие поколения, не является обоснованной задачей. В таком случае, агенты, осуществившие эти достижения, уже не воспользуются их плодами.

Я. Корнаи сетует на то, что учебники по мейнстриму не знакомят с достижениями Й. Шумпетера. Он явно не знаком с российским материалом и учебниками, где даются идеи и Н. Д. Кондратьева и Й. Шумпетера, причем с критической точки зрения, что наиболее ценно для развития образования и науки [4]. Сводить же главную ценность капиталистической системы к непрерывным инновациям — совершенно не обоснованно. Капитализм в своей природе имеет внутренние «блокаторы» инноваций, что отчетливо видно по тем кризисам, которые имели место на протяжении всей истории капиталистической системы. Социализм в этой части обеспечивает плановое, планомерное техническое развитие, причем в бескризисном варианте, относительно тех кризисов чисто капиталистической природы, которые я имею в виду. Более того, сводить ценность к непрерывным инновациям и забывать, что склонность к инновациям не может проявить система, а проявляют только агенты, составляющие эту систему, потому что новое является продуктом работы мозга и накопленных знаний и опыта. Следовательно, вне зависимости от системы важное значение приобретают стимулы к такой деятельности, порядок ее организации и управления ею. В любой системе такая деятельность может быть либо заблокирована, либо наоборот поощряется и стать основной. Разумеется, высокое творчество базируется на внутренней культуре и нравственности. Следовательно, работа по обеспечению крупных технологических прорывов, которая ориентирована на длительный период по мере накопления информации, требует отнюдь не институтов современного капитализма.

Шумпетер отмечает, что капитализм создает и разрушает структуры, но это делает и социализм, даже тот, что мы наблюдали, и возможные иные его формы, которые могут существовать при иной некапиталистической системе институтов, когда право владеть собственностью не будет возвышаться над иными правами и правом не владеть. Именно это отличает капитализм от иных форм общественной организации и сегодня сказать, что та или иная форма хуже — невозможно. У экономистов нет должной эмпирической базы, а имеются только гипотетические рассуждения.

Проблема далеко не в том, что мейнстрим не разделяет такое видение эволюции капитализма, а в том, что и у Шумпетера и его последователей в интерпретации этой эволюции имеются не вполне корректные трактовки. То есть в деталях, он также ошибается с позиций сегодняшнего дня. Возможно, когда факторы производства замещали друг друга иначе на историческом интервале, когда жил Шумпетер, принцип созидательного разрушения был вполне корректен. Но сегодня такого замещения нет, новая комбинация

в большем объеме требует уникального ресурса и его создания, а заимствовать может только ресурс общего назначения в лучшем случае. Во всяком случае, метод «затраты — выпуск» В. В. Леонтьева мог бы показать, идет ли такое заимствование и каким образом, причем в рамках старой структуры появление новой комбинации также приводит к ресурсному перераспределению. Однако удачных доводов в этой части не приводится. Новая комбинация требует и нового ресурса и так распределяет финансы, что происходит ресурсное перераспределение по всем старым и иным новым комбинациям [6]. Причем степень перераспределения зависит от исходной рентабельности этих комбинаций.

Как правило, новая комбинация, если вести речь о технологиях или новых продуктах, требует более высоких затрат на первых этапах развития. Конкуренция происходит и между новыми комбинациями, и между старыми, и между новыми и старыми, но, как и по поводу чего — в этом состоит главный вопрос. Прежде всего, речь идет на начальном этапе о конкуренции за финансовые ресурсы. Скорость обращения денежной массы и ее величина на относительно коротком интервале могут сильно не изменяться, а новой комбинации обычно нужен больший финансовый ресурс, ее затраты обычно выше относительно старых комбинаций. Кроме того, новая комбинация часто вытекает, базируется на старой комбинации. Это принцип «диалектического отрицания», а не «полного отрицания», известный в философии Гегеля. Однако когда наблюдается специализация ресурса, когда он в большей степени дифференцируется, диверсифицируется, становится интерспецифическим, то отвлечение затруднительно. Оно касается только ресурса общего назначения — энергии, теплоснабжения, водоснабжения, материалов и т. д. Однако сложности в финансировании могут приводить к некоторому сокращению старых комбинаций.

Призывы изменять мейнстрим по меньшей мере наивны, поскольку должны быть цели изменения. Ведь ни исходные рассуждения по Шумпетеру, ни рассуждения в рамках мейнстрима не уберегли экономику от кризиса 2008—2010 гг. У шумпетерианцев имеются существенные нерешенные проблемы, в том числе обусловленные сложностью объекта исследования — технологии и экономическая эволюция. И у тех, и у других имеются сложности прогноза и предсказания кризиса.

Представление инновационного развития, а также инновационного типа экономического роста, либо сведение так называемой теории экономического развития только к роли предпринимателя-новатора, отражает непонимание подлинной смены факторов в экономической эволюции, когда изменяется вес и траектория развития отдельных экономических систем совершенно вне связи с новаторами, а, например, в зависимости от значения консерваторов или с изменением возрастной или образовательной структуры, либо в силу международной асимметрии и т. д. Часто факторы действуют в совокупности, и отделить один от другого проблематично. Причем, практически никто из экономистов, занимающихся вопросами технико-

технологического развития, либо развитием теории инновационного или шире — экономического развития, не имеет должных представлений об изменениях в рутинных инженерного труда, в указанных правилах, отвечающих за появление и тиражирование новых комбинаций в технике, технологиях и продуктах. Большая часть экономистов-теоретиков, рассуждающих на подобные темы и вводящих классификации этапов технологического развития в виде технико-экономических парадигм, либо технологических укладов (очень похожие классификации) никогда не стояла за кульминацией и не представляет, что такое новое техническое решение, новый проект, создание уникального изделия. Однако стремление объяснить сложные вещи технологического развития, выявить закономерности

быстро создает спрос на подобные классификации и объяснения, причем многие экономисты, ориентирующиеся не на суть объяснения, а на регалии и «вес» того, кто предлагает такие классификации или схемы, быстро тиражируют данные «терминологические» вещи, превращая их в общее место, порождая тем самым «эффект моды» в экономической науке или ее данном направлении. Нельзя сказать, что этот эффект несет всегда отрицательный потенциал. Он может оказывать и положительный эффект, стимулируя научный поиск, совершенствуя подход, что, в конце концов, может обернуться крупным достижением. Как правило, «эффект моды» на обозримом периоде времени не дает подобного крупного эффекта, но стимулирует дискуссию.

Олег СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИЭ РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнаи Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. 2012. № 4.
2. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. — М.: Дело, 2011. С. 48.
3. Сухарев О. С. Институциональная теория и экономическая политика. В 2-х т. — М.: Экономика. Институциональная теория — 1-й том, 2001. Экономическая политика — 2-й том, 2007.
4. Сухарев О. С. Основы институциональной и эволюционной экономики. Курс лекций. — М.: Высшая школа, 2008.
5. Сухарев О. С. Структурные проблемы экономики России: теоретическое обоснование и практические решения. — М.: Финансы и статистика, 2010.
6. Сухарев О. С. Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста. — М.: Финансы и статистика, 2012.
7. Сухарев О. С. Экономическая политика и развитие промышленности. — М.: Финансы и статистика, 2011.
8. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Эксмо-Пресс, 2007.